

А. В. Снигирев

Екатеринбург, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ВЫЗВАННЫХ РЕЧЕВЫМИ КОНФЛИКТАМИ, В ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ КИЕВСКОЙ РУСИ И ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, проходил через многочисленные этапы формирования и переосмысления. На данном первичном этапе формирования нормативно-правовой базы сложно ожидать тех понятий и терминов, которые мы встречаем в современном законодательстве, характерного для гражданского и правового общества. Понятия и термины не имеют еще строгих дефиниций, зачастую интерпретации одного и того же понятия в контексте могут не только различаться, но и в чем-то противоречить друг другу. Однако анализ позволил сделать следующие выводы:

- начинает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие»;*

- возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых основное место занимают те или иные виды «оскорбления действием», но уже начинает формироваться осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц;*

- основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, становится «клевета», то есть формируется понимание денотативного и сигнификативного пространства, объективной и субъективной реальности и ответственности за высказывания, не несущие в себе фиксацию объектов и ситуаций реальной действительности, но претендующие на это.*

Ключевые слова: Киевская Русь, нормативно-правовые акты, оскорбление, клевета, правонарушения.

Сведения об авторе: Алексей Васильевич Снигирев, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета. 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: alex_sengir@rambler.ru.

A. V. Snigirev

Yekaterinburg, Russia

LAW OFFENSES CAUSED BY QUARRELING AS REFLECTED IN THE LEGAL DOCUMENTS OF KIEVAN RUS IN THE PERIOD OF THE FEUDAL FRAGMENTATION

The conceptual and terminological apparatus of Russian law in the field of offenses connected with verbal conflicts has passed through numerous stages of formation and rethinking. At the discussed initial stage in the formation of the legal framework, it is difficult to expect those concepts and terms that we meet in modern legislation, characteristic of civil and legal society. Concepts and terms do not yet have strict definitions; often interpretations of the same concept in a context can not only differ, but also contradict each other in some way. However, the analysis induced the following conclusions:

- *understanding of the person's intangible rights begins to form and becomes legally recorded, when the damage can be inflicted not only physically, but also morally, which is reflected in the concept of «dishonor»;*

- *the types of damage to the intangible rights of the person appear and become recorded, among which the main place is occupied various types of «assault and battery», with the awareness of the offenses committed through the use of language units already beginning to form;*

- *the main type of violations related to verbal conflicts becomes «slander», that means understanding of the denotative and significative space, of objective and subjective reality and responsibility for statements that do not refer to the situations of reality, but claim to do so.*

Key words: Kievan Rus, normative legal acts, insult, slander, offenses.

About the author: Alexey Vasilyevich Snigirev, associate professor of the Chair of Russian, Foreign Languages and Speech Culture at Ural State Law University. ul. Komsomolskaya 21, Ekaterinburg, 620137. E-mail: alex_sengir@rambler.ru.

Понятийно-терминологический аппарат русского права в области правонарушений, связанных с речевыми конфликтами, проходил через многочисленные этапы формирования и переосмысления. Начиная с первой попытки унификации норм русского права, которая была сделана князем Владимиром, и заканчивая современным кодексами, пройден долгий путь. В данной статье будет освещен первый этап данного пути, связанный с Киевской Русью, важнейшими документами которой стали Правда Ярослава, Правда Ярославичей, Устав князя Владимира Мономаха, Суд Ярослава Владимировича, княжеские церковные уставы и некоторые другие.

Перечисленные тексты были проанализированы с точки зрения выявления присутствия в них понятийно-терминологического аппарата, связанного с преступлениями, вызванными речевыми конфликтами.

Анализ позволил выявить следующие ключевые понятия и термины.

1. «Бесчестие»

Наиболее распространенным мнением среди исследователей является то, что упоминание «бесчестия» в «Русской Правде» является фиксацией того, что речевые конфликты рассматривались в указанный период как правонарушения, наносящие урон чести и достоинству человека. Однако при внимательном чтении и анализе ни один из вариантов текста данного нормативно-правового акта (на данный момент таковых зафиксировано более ста) не позволяет сделать такой вывод однозначно. «Бесчестие» связывается прежде всего с оскорблением действием, причем в тексте перечисляются предметы, нанесение ударов которыми рассматривается как оскорбление: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашей, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конецъ» [Памятники русского права 1952: 77]. В одном из списков наиболее полно разъясняется взаимосвязь «бесчестия» и нанесение физического вреда, речь идет о статье «О муже кровавом»: «Аще приидеть кровавь муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков будеть <...> Аще ли пьхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить, а без зьнамения, а видок будеть, бещестие ему платити; аже будеть болярин великих боляр или менших боляр, или людин городскыи, или селянин, то по его пути платити бесчестие» [Памятники русского права 1952: 210–211]. Как мы видим, ни о каком словесном оскорблении как о «бесчестии» речь не идет, текст и контекст однозначно дают возможность прийти к совершенно другим выводам. Другая статья из Троицкого IV списка «Русской Правды», носящая собственно название «О бесчестии», дает следующие урегулирования конфликта, связанного с данным понятием: «А за безщестную гривну золота, аже будеть баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота;

оже будет баба не была в золоте, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра пол 8 гривны» [Памятники русского права 1952: 211]. Неоднозначность данного текста очевидна, и традиционная интерпретация как оскорбления словом бабушки не выдерживает никакой критики (скорее всего использование слова «баба» вместо используемого в основном тексте «жена» связано с местными особенностями, на что указывает и смена единиц измерения штрафа). Синтаксис и логическая структура данной статьи позволяют иначе членить текст, который скорее является указанием иерархии при начислении штрафов за оскорбление прежде всего действием (что вытекает из всего текста данного нормативно-правового акта).

Понимаемое как вред, нанесенный человеку тем или иным действием, «бесчестие» таким образом понимается не как нечто отвлеченное и абстрактное, а как вполне конкретное свойство.

Термином, близким к «бесчестию», был «сором». Так, например, в «Договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами» (1189–1199) говорится: «А оже мужа свяжут без вины, то 12 гривн за сором старых кун» [Памятники русского права 1953: 125]. Но при этом «сором» все же чаще понимается как результат насилия над женщиной, так, в «Договоре Смоленска с Ригию и Готским берегом» указано: «Аще который Немчичь учинить насилье над робою, гривна серебра за сором» [Памятники русского права 1953: 63]. Что характерно, размер штрафа за насилие над женщиной зависит от того, была ли она раньше замечена за изменами мужу.

В дальнейшем, однако, появляется иное понимание данного понятия, в «Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле» (1397–1398) в статье 2 дается уже более широкое понимание «бесчестия», которое связано с оскорблением словом: «А кто кого излает боярина или до крови ударит, или на нем синева будут, – и наместницы судят ему по его отечеству безщестие; тако же и слуге» [Памятники русского права 1955: 162]. «Лай», то есть ругань, брань, уже становится преступлением, которое приравнивается к нанесению физического повреждения, наносит урон человеку

и приводит к «бесчестию», то есть уже более близкому к тому, что фиксируется в современном российском законодательстве.

В целом можно говорить о том, что в нормативно-правовых актах анализируемого периода хоть и отсутствует как таковое понимание нематериальных прав лица (ср. в современном законодательстве: «Честь – сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица (физического или юридического) в общественном сознании»; «Достоинство – сознание человеком своей абстрактной и конкретно-социальной ценности, а также ценности групп, в которые он входит»), но намечается и начинает реализоваться тенденция к осознанию того, что ущерб человеку может быть нанесен не только действием или угрозой действия, но и словом, что позволит потом разделить все же в правотворчестве материальные и нематериальные права человека.

2. «Уреканье»

Впервые понятие «уреканье», которое традиционно переводится как «оскорбление позорным наименованием» [Памятники русского права 1953: 250], появляется в «Уставе князя Владимира Святославовича» (конец XII века).

Данный нормативно-правовой акт принадлежит к числу памятников, которыми определялось правовое положение русской церкви в феодальную эпоху. Русская церковь с момента введения христианства стремилась обеспечить защиту своих интересов от чьих-либо посягательств. С этой целью она добилась получения специальных актов великокняжеской власти, которые получили название церковных уставов. Устав князя Владимира вместе с «Уставом князя Ярослава» является кратким кодексом норм, регулирующих взаимоотношения между церковью и государством. Оба они характеризуют правовое положение духовенства и объем юрисдикции русской церкви.

Основной список фиксирует следующий текст статьи, приведем его полностью, чтобы представить себе парадигму правонарушений, в которую включено «урекание»: «Дал семь: распусты, смилное, заставанье, умыканье, пошибанье, промежи мужем и женою о животех их, или в племени или в

сватовстве поимуться, ведовство, уреканье, узлы, зелье, еретичество, зубоя денье, иже отца и матерь бьютъ, или сын или дчи бьются, или братья бьются, и иже тяжются о задници» [Памятники русского права 1953: 238]. Более поздний список, Толстовский, дает конкретные виды «урекания»: «урекание три: б. . . и зельи, еретичество» [Памятники русского права 1953: 242]. Наконец, еще более поздний документ, построенный на основе Устава князя Владимира, «Устав Великого князя Всеволода о церковных судях и о людех и о мерилах торговых» (конец XIV) дает в статье 6 уточненную информацию: «...урекания три: бляднею, зелии, еретичество...» [Памятники русского права 1955: 163]. Как мы видим, текст дает возможную интерпретацию «урекания» скорее в качестве «клеветы», а не «оскорбления» (в современном понимании этих терминов в юриспруденции), особенно если брать весь список «уреканий», которые являются скорее действиями, чем номинациями лица: измена мужу, изготовление ядов, отход от официальной церковной догмы. Что характерно, это подтверждается текстом «Устав князя Ярослава Владимировича» (конец XII века), где явно речь идет об оскорблении, и употребляется совершенно иная лексема как для глагола, так и для существительного: «Аже кто зовет чюжу жону б...» [Памятники русского права, 1953: 261].

Таким образом, впервые появляется попытка определения того, какие высказывания рассматриваются судом в связи с клеветой, то есть какие именно высказывания могут стать поводом для иска.

Важно и то, что преступления, связанные с употреблением слова, выделены в отдельную юрисдикцию – в ведение церкви, что впоследствии будет закреплено и развито.

3. «Поклеп»

Следующая парадигма правонарушений, вызванная использованием языка, связана с понятием «поклеп». Исходя из того, что впервые данный термин употребляется в «Русской правде» среди статей, посвященных убийствам, «поклеп» обычно переводят как «обвинение в убийстве». В тексте мы действительно находим: «О поклепнеи вире. Аще будеть на кого поклепная

вира, то же будет послухов 7, то ти выведуть виру, паки ли варяг или кто ин тогда» [Памятники русского права 1953: 110], «Тако же и во всех тяжах, в татбе и в поклепе; оже не будет лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мене, то на воду, оли до двою гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куны» [Памятники русского права 1953: 110]. Но значительно дальше мы встречаем следующую статью: «О бороде. А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже» [Памятники русского права 1953: 115]. Исходя из этого, можно предположить, что «поклеп» в тексте «Русской правды» – это прежде всего «обвинение в преступлении», без конкретизации, отсутствие уточнения в первых статьях вызвано восстановимостью слова «убийство» из контекста. Причем в указанный период данное слово не имеет негативной коннотации, оно не обязательно «ложное обвинение», хотя в статье «о бороде» предполагается именно такое значение, что приближает «поклеп» к современной «клевете».

Близок к понятию «поклеп» рассматриваемый в «Новгородской судной грамоте» термин «наводки»: «А истцю на истца наводки не наводит, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня наместника, ни на иных судеи, или на дкладшиков. А кто наведет наводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычна наместника, или на или на иных суден, или на докладшиков, или истець на истца у суда, или у доклада, или у поля, ино взять великим князем и Великому Ноугороду на виноватом на боярине 50 рублей, а на житьем двадцать рублей, а на младшем 10 рублей за наводку; а истцю убытки подоимет» [Памятники русского права 1953: 213]. Нетрудно заметить, что прежде всего от «наводок» охраняются должностные лица, тем самым значительно сужается понятие самого термина.

Безусловно, наивно было бы полагать, что на данном, первичном этапе формирования нормативно-правовой базы, которая создавалась на основе как привнесенных элементов (например, «Готской правды», свода законов, по которому жили варяги), так и местных («обычного права»), сложно ожидать тех

понятий и терминов, которые мы встречаем в современном законодательстве, характерном для гражданского и правового общества. Понятия и термины не имеют еще строгих дефиниций, зачастую интерпретации одного и того же понятия в контексте могут не только различаться, но и в чем-то противоречить друг другу. Однако хотелось бы отметить следующие моменты:

- начинает формироваться и юридически закрепляться понимание нематериальных прав лица, когда ущерб может быть нанесен не только физический, но и моральный, что находит свое отражение в понятии «бесчестие»;

- возникают и закрепляются виды нанесения ущерба нематериальным правам лица, среди которых основное место занимают те или иные виды «оскорбления действием», но уже начинает формироваться осознание правонарушений, совершаемых посредством употребления языковых единиц;

- основным видом правонарушения, связанным с речевыми конфликтами, становится «клевета», то есть формируется понимание денотативного и сигнификативного пространства, объективной и субъективной реальности и ответственности за высказывания, не несущие в себе фиксацию объектов и ситуаций реальной действительности, но претендующие на это.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Памятники русского права». М., 1952. Вып. 1.
2. «Памятники русского права». М., 1953. Вып. 2.
3. «Памятники русского права». М., 1955. Вып. 3.

REFERENCES

1. «Monuments of Russian Law [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1952. Issue 1.
2. «Monuments of Russian Law» [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1953. Issue 2.
3. «Monuments of Russian law» [«Pamjatniki russkogo prava»]. Moscow, 1955. Issue 3.